

Неможливо назвати конкретний рік виникнення кожної окремо взятої ФО. Можна погодитись з думкою Самойлович Л.В., що «мова перебуває в стані постійного розвитку та змін, тому є необхідність подальшого її вивчення як динамічної системи. Вивчення розвитку фразеологічного складу передбачає комплексний і всебічний аналіз фразеології на окремих часових зрізах, із метою подальшого виявлення основних закономірностей розвитку фразеологічної системи» [3; 17].

Таким чином, М. Левченко, М. Уманець та А. Спілка вперше в словникових статтях на практиці подали переклад російських та українських ФО, поклавши початок створенню перекладних фразеологічних словників.

Література

1. Прадід Ю.Ф. Принципи укладання фразеологічного словника ідеографічного типу // Язык и культура: Третья Междунар. конф. // Тез. докл. – К., 1994 – 3. – С. 58–59;
2. Самойлович Л.В. Порівняльно-зіставна характеристика фразеологізмів у фольклорних працях ХІХ – поч. ХХ ст. / Культура народів Причорномор'я. Наук. журнал №24. – Сімферополь. 2001. – С. 184–187.
3. Самойлович Л.В. Українська фразеологія ХІХ – поч. ХХ ст.: Автореф. дис. ... кан. філол. наук. – Сімферополь, 2000. – 200 с.
4. Юрчук Л.А. Теоретичні засади реєстру фразеологічного словника української мови // Мовознавство. – 1983. – № 5. – С. 23–32.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. / Под ред. А.И. Федорова. – М.: Топи кал, 1995. – 608 с.

Джерела

Ум. – Словар російсько-український / Укладачі М. Уманець та А. Спілка. – Берлін: Державне вид-во України, 1925. – 1149 с.

Левч. - Левченко М. Опыт русско-украинского словаря. – К., 1874.

УР і РУФС – Олійник І.С. і Сидоренко М.М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник. Вид-во «Рад. школа». – К., 1971.

Усеїнов Т.Б.

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ СИЛЛАБИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ. ПРЕВОСХОДСТВО И ПОДЧИНЕНИЕ

Дослідження здійснено за підтримкою ДФФД України у мережах проекту “Відродження культурної спадщини кримських татар: мова і література”.

Агрессия и расплата.

Средневековые крымскотатарские поэты всех литературных течений, в рамках стихотворных форм малых объёмов, в первую очередь стремятся раскрыть *двухсоставные образные системы*. Это, по всей вероятности, объясняется простотой и доступностью, для восприятия читателем, менее замысловатых сюжетов и композиций. Поэты же творят “востребованную продукцию” и используют всевозможный “арсенал” метафор, сравнений, сопоставлений и т. п.

Учитывая семантическую особенность, нами предлагается следующее разделение двухсоставных образных систем, в основе которых лежит дуализация “*земная возлюбленная – влюблённый*”.

1. “Превосходящая и подчиняющийся”. В роли доминанты выступает женская особа, мужчине же отведена достаточно пассивная участь статиста. Он подчиняется, терпит и ждёт снизхождения своего идеала любви.

“*Повелительница – пленник (раб)*”. Социальный ранг *красавицы* несоизмерим с положением *влюблённого*. Она “захватывает” стenanя ашыка, тем самым делает его своим пленником:

...2. Kimin esir kimin azad idersin

Aşık ahın alup kande gidersin...

Подстрочный перевод:

...2. Кого пленишь, кого освободишь,

Захватив стenanя (ахи) влюблённого куда поправишься?... [2, с. 25].

Если в предыдущем примере *красавица* насильственно ограничивает молодого человека в свободе, то в следующем отрывке *влюблённый* сам добровольно намеревается оказаться в этом состоянии:

...4. ...Adil padişahsın mürven kanısın

Kul olup kapunda durmağa geldim.

Подстрочный перевод:

...4. ...Ты справедливый падишах, ты благородной крови,

Я пришёл, чтобы будучи рабом, стоять у твоих дверей... [2, с. 191].

“Добровольное рабство” – вот участь истинного влюблённого и кому, как не *рабу* знать настоящую цену своего объекта поклонения:

...5. ...Efendim kulundur garib Cevheri

Padişahsın senin kadrin kul bilür.

Подстрочный перевод:

...5. ...Моя госпожа, твой раб – [этот – Т. У.] одинокий Гевхери,
Ты падишах! Цену тебе знает раб [2, с. 403].

Излюбленной ситуацией, описываемой поэтами в лирических стихотворных произведениях, является нахождение *молодого человека*, охваченного чувствами (в роли раба, поклонника, собаки и т. п.), у порога *девушки*. Тем самым фокусируется внимание читателя (слушателя) на ничтожное положение *влюбленного* и превосходство *возлюбленной*:

...4. ...Gevheri der yar-ı garım bulaydım

Eşiğinde kemter kulu olaydım...

Подстрочный перевод:

...4. ...Скажет Гевхери: “Мою самую верную (постоянную) подругу (друза)” нашёл бы,
У её порога низшим рабом был бы... [2, с. 90].

“*Госпожа – слуга*”. Очень близкой по семантике, образной системе “повелительница – пленник (раб)”, является другая система образов “госпожа – слуга” [2, с. 25, 39, 41, 44, 47, 64, 120, 186, 247]. В данном случае, также наблюдается всестороннее превосходство *красавицы* над *влюбленным* и как принудительное, так и добровольное пожелание второго персонажа поскорее стать слугой девушки:

...4. Gevheri der divanında durayım

Her ne hizmet buyurursan göreyim

Ayağın tozuna yüzler süreyim

Sevdiceğim safe geldin merhaba.

Подстрочный перевод:

...4. Скажет Гевхери: “Пусть на твоём собрании находиться буду я,
Пусть любую работу, которую ты поручишь – увижу я [снесу я – Т. У.],

Пусть в пыли твоих ног кланяться буду я,

Любимая, беззаботно (радостно) пришла ты – здравствуй!” [2, с. 25].

“*Богатая – нищий*”. Положение в обществе определяется материальным достатком человека. Название данной системы образов говорит само за себя. Отношение *красавицы* не оправданно жестоко и *влюбленному* ничего не остаётся, как жаловаться и сетовать на своё безвыходное состояние. Круглые сутки нищий (прежде всего психологически) *влюбленный* только и занимается этим:

...2. ...Ruz ü şeb içre geda bir baya

Şikayet ideyim senden a güzel...

Подстрочный перевод:

...2. ...День и ночь нищий на одну богатую,

Пусть буду жаловаться (сетовать) на тебя, о, красавица!... [2, с. 155].

“*Шахиня – влюбленный*”. Могущество, власть и превосходство *шахини* не требует доказательств. Ей подвластны экзотические дальние страны (упоминание географических названий делает ещё более отчётливой и яркой эмоциональную окраску). *Влюбленный* призывает *девушку* проверить состояние дел в Аравии и Дамаске (подвластных в Средние века Стамбулу). Этот факт косвенно указывает на то, что *красавица* – властительница, правительница Османской империи:

...5. ...Gevheri der şahım beni istersen

Ta Arabistan'ı Şam'ı yokla gel.

Подстрочный перевод:

...5. ...Скажет Гевхери: “Моя шахиня, если меня захочешь [увидеть – Т. У.],

Аравию и Дамаск приди и проведай” [2, с. 148].

2. “Агрессор и расплачивающийся”. Если в предыдущей классификации (“Превосходящая и подчиняющийся”) образ *возлюбленной* – носитель относительно пассивных действий, по отношению к *поклоннику*, то в этой классификации девушка активна и, более того, агрессивна по отношению к нему. Она, как правило, с оружием в руках составляет опасность для жизни молодого человека, инертного и пассивного, по своей сути.

“*Грабитель татарин – жертва*”. Самоназвание “татарин” (“tatar”) в Османской империи, ассоциируется с понятием инородный, вероломный и ненадёжный.

Мустафа Джевахери (...–1715-16) – крымский татарин, переехавший в Анталию на постоянное место жительства, использует это понятие в своём творчестве, как бы, в угоду местным османским литературным традициям:

...2. ...Gözlerin harami yağmacı tatar...

Подстрочный перевод:

...2. ...Разбойники глаза твои – грабители-татары... [2, с. 130].

“*Стрелок – жертва*”. Средневековый мужчина часто имеет дело с военной амуницией и знает в этом толк. *Возлюбленная* же привлекает к себе истинных ценителей красоты. В её портрете угадываются черты, напоминающие изысканное оружие: “брови – луки” [1, с. 39; 2, с. 25, 37, 39, 40, 42, 127, 170, 173, 183], “взгляд – кинжал” [2, с. 79], “взгляд – стрелы” [1, с.26], “локоны – цепи” [2, с. 42, 129, 146], “ресницы – стрелы” [2, с. 35, 37, 74, 170, 330] и т. д.

Брови (*возлюбленной*) изогнуты и напоминают “лук” (т. е. военное оружие), ресницы же “тонкие

стрелы”, вылетающие из дуг и вонзающиеся в грудь *влюбленного*. Когда она недовольна и хмурится, брови сгибаются ещё сильнее, соответственно стрелы вылетают с большей скоростью и поражают сердце *молодого человека* ещё глубже и больше:

...3. ...Kaşların yay etmiş kirpikleri ok
Tutsam mı sinemi nişana bilmem...

Подстрочный перевод:

...3. ...Превратила свои брови в луки, а ресницы в стрелы,
Поставить ли свою грудь перед [её – Т. У.] прицелом, не знаю...
[2, с. 170].

Она искусный стрелок и достигла своего – мишень поражена её стрелой любви и находится в “предсмертном состоянии”:

...2. Ben gibi ölümlü hastası çoktur
Kaşları yay olmuş kirpiği oktur...

Подстрочный перевод:

...2. ...Таких, как я обречённых больных у неё много,
Брови её превратились в луки, а ресницы – в стрелы... [2, с. 170].

Другой пример:

...3. Yar destine almış tir ü kemanı
Vücudum boyuna attı nişanı...

Подстрочный перевод:

...3. Возлюбленная взяла, в свои руки, лук и стрелы,
На шею моего тела (туловища) бросила [надела – Т. У.] прицел...
[2, с. 123].

“Воин – влюбленный”. Эта образная система близка по семантической направленности к вышепредставленной, с той лишь разницей, что женский персонаж соотносится с другим, более абстрактным, мужским образом – воином:

...3. ...Beni bu sevda mı zebun eyleyen
Yoksa gam askeri midir nedir bu...

Подстрочный перевод:

...3. ...Любовь ли меня сделала немощным и слабым,
Или же воин печали, не знаю... [1, с.39].

В следующем примере, для усиления эмоциональной окраски, автор рисует *возлюбленную* во главе подобных ей – в роли военачальника (предводителя, командующего):

...2. ...Her güzeller bir bir karşıma dursa
Cümlenin serdarı benli sevdiğim...

Подстрочный перевод:

...3. ...Если, красавицы выстроятся напротив меня,
Всех их военачальник (предводитель, командующий), с родинками моя возлюбленная... [2, с. 202].

“Убийца (палач) – жертва”. Стихотворных отрывков, где *девушка* открыто называется “убийцей”, нам обнаружить не удалось. Скорее всего, это сравнение не совсем свойственно и не соотносится с правилами написания *силлабической народной поэзии*. Однако, косвенно поэты отображают девушку именно в этом ракурсе:

...4. ...İncitme gel bana cürmüm var ise
Kanımlı helal olsun öldür efendim...

Подстрочный перевод:

...4. ...Не причиняй боль (не оскорбляй, не обижай), приходи ко мне, если я провинился –
Пусть моя кровь станет дозволенной (разрешённой) Шариатом – убей моя госпожа... [2, с. 197].

В другом примере *возлюбленная* выступает в роли палача:

...2. ...Gamzesi celladtır tığını atar...

Подстрочный перевод:

...2. ...Её томный взгляд – палач, бьёт своей саблей (шашкой, мечом)...
[2, с. 197].

“Кровопийца – влюбленный”. В этой образной системе, жестокость и бессердечие *девушки* принуждают, безвыходно страдающего, *молодого человека* к более “жестким сравнениям” при её характеристике.

Так, между ней и кровопийцей (образом фантастическим и скорее мужским) ставится знак равенства:

...2. ...Gamzesi nuş ider hun-ı aşığı
Vöyle bir gözleri mestanecedir...

Подстрочный перевод:

...2. ... Её томный взгляд выпивает кровь влюбленного,
Эти её глаза – в состоянии опьянения... [1, с.35].

3. “Объект возжеления и поэт”. Среди двухсоставных образных систем, пожалуй, одними из самых привлекательных являются системы, составляющие условную классификацию “Объект возжеления и поэт”. В роли главного героя здесь выступает сам автор.

В Средние века, подавляющее большинство восточных лирических стихотворных форм, как правило, пишутся от первого лица и *ашыкская силлабическая поэзия*, в этом смысле, не стала исключением. И, если в обычной лирике образ *влюбленного* носит самостоятельный характер и воспринимается читателем, как

самодостаточная единица сюжета, то здесь поэт открыто приподносит себя в роли главного персонажа.

Необходимо отметить, что понятия “образ поэта” и “тахаллюс” (литературный псевдоним) нельзя, ни в коем случае, смешивать. Второе понятие используется во всех стихотворных формах *ашыкской поэзии*, размещается, как правило, в последнем бенте и является обязательным, традиционным элементом архитектоники любой стихотворной формы вышеотмеченной литературной традиции.

Данная классификация несёт, возможно, несколько автобиографичный характер, однако имеющийся у нас текстологический материал не даёт нам возможности утверждать этот факт с полной уверенностью и, тем более, делать поспешные, преждевременные выводы.

“*Красавица – поэт*”. Автор открывает секрет красавице о том, что долгое время живёт мыслью о ней, он сочиняет и читает ей стихи [2, с. 103, 184]:

...2. Çok divan okudum medhini yazdim
Sana meyledeli cihandan bezdim...

Подстрочный перевод:

...2. Прочитал множество диванов¹ писал тебе восхваления,
Любя тебя пресытился (разочаровался) в этом мире... [2, с.45].

Иногда, *поэт-влюблённый* спрашивает позволения у *девушки* написать ей хвалебную оду:

...4. ...Izin ver efendim medhetsin seni
Bu garib Gevheri kulun efendim.

Подстрочный перевод:

...4. ...Дай разрешение, моя госпожа (сударья) – пусть восхваляет тебя,
Этот бедный твой раб Гевхери, моя госпожа (сударья)... [2, с.201].

“*Имущество (собственность) поэта – поэт*”. И, наконец, совсем осмелев, *автор-влюблённый*, достаточно дерзко, заявляет о своих правах на *красавицу*, называя её своим имуществом. *Поэт*, акцентируя внимание на своём образе, использует двойной тахаллюс, что для *силлабической ашыкской поэзии* достаточно редкий случай:

...4. ...Gevheri neylesün malı
Gevheri'nin malısın sen.

Подстрочный перевод:

...4. ...Что, пусть делает Гевхери, со своим имуществом?
Ты [возлюбленная – Т. У.] собственность Гевхери [2, с.505].

4. “Равноценные отношения”. Отмеченная классификация малочислена, но этот факт не умаляет её значения.

Обе составные образной системы равнозначны во всех отношениях и автором не отдаётся предпочтение ни одному из персонажей.

“*Друг – влюблённый*”. *Возлюбленная* преподносится (представлена) другом *влюблённого*, они занимают примерно равную социальную ступень в обществе. Хотя, иногда, *красавица*, несмотря на то, что имеет дружеские отношения с *молодым человеком*, ведёт себя высокомерно и непредсказуемо:

1. Muhabbet arz ettim gül yüzlü dosta
Lutf idüp selamım alur mu bilmem...

Подстрочный перевод:

1. Преподнёс (изложил) я любовь розоликому другу (возлюбленной),
Не знаю, примет ли она моё приветствие, выявив благосклонность (милость)... [2, с. 173].

Иерархические отношения, между главными персонажами основополагающей образной системы (“*земная возлюбленная – влюблённый*”) средневековой восточной мусульманской (в том числе, крымскотатарской) силлабической поэзии, являются особо привлекательной областью семантики. Надеемся, предложенное исследование внесёт свою лепту в дело изучения данной проблематики.

Источники и литература

1. Elçin Ş. Aşık Ömer. – Ankara: Kültür bakanlığı, 1999.
2. Elçin Ş. Gevheri Divani (Inceleme-Metin-Dizin-Bibliografya). – Ankara, 1998.

¹ *Диван – лит.* собрание стихов какого-либо поэта, расположенных в алфавитном порядке рифм.